

Валентина Лесунова

Дорога к озеру

Аннотация

Совершено убийство бизнесмена, подозрение падает на Ирину, жену друга убитого. В ее виновности уверен муж. И он пытается защитить жену, инсценируя место преступления таким образом, будто его совершила подруга жены...

Так как в книге нет традиционной фигуры детектива или следователя, никто не ведет расследование, все подозреваемые, и каждый пытается что-то скрывать. Произведение написано в форме монологов, что дает возможность не только следить за поступками героев, но и погрузиться в их внутренний мир: прошлое, настоящее и мечты о будущем. Подобное погружение усиливает впечатления от прочитанного и дает возможность самим читателям приблизиться к разгадке преступления.

Валентина Лесунова

Дорога к озеру

Надежда

Просто я очень хотела к озеру: окунуться в прохладную воду, поплавать так, как хочется, не то, что в пахнущем хлоркой, переполненном людьми бассейне. И, наконец, пройдет головная боль, — мучает меня, кажется, с того дня, как на свет появилась.

Никогда раньше никуда не рвалась, считала, домашний уют предпочтительнее любых красот природы, ведь их можно увидеть по телевизору. Так бы и смотрела, но Ирина смутила душу рассказами: классный отдых, класснее не бывает. Избранная публика, встречи без галстуков на высшем уровне. Представь, почти все, даже женщины, рыбачат на лодках, а вечером танцы у костра.

Или я это придумала? Но придумать, что подружка, пофигистка по убеждению, научилась готовить уху, вкусную, я не могла. Неужели она своими пальчиками в дорогих кольцах, с которыми никогда не расставалась, даже не снимала на ночь, и с маникюром, чистила рыбу, и не какую-то там экзотическую, а простых окуней.

Мне тоже туда захотелось, так захотелось, что озеро стало сниться, таким, каким я его видела по телевизору: синее, в форме блюда, в окружении зелёной травы и стройных сосен.

Как мне хотелось на природу, как я хотела вырваться из города! До галлюцинаций доходило: я на своем рабочем месте, без кондиционера, — боялась сквозняков, вдруг ощущала на своём лице свежий, ласкающий ветерок. Слышала всплеск воды, и весёлый смех. Нигде так весело не смеются, как на воде теплым солнечным утром.

Только отдых, никаких знакомств, пора остановиться, создать нормальную семью. Смогу ли? Читала, что если девочка выросла в семье, где отец — алкоголик, потом выходит замуж тоже за пьяницу. Даже если жених трезвенник, неизбежно превратится в мужа — алкоголика.

Только не Дима. Он талантливый художник. Зачем ему в кого-то превращаться?

Димы рядом нет, он будто в тумане, призрак на горизонте: то ли был, то ли приснился.

Перед глазами затылок Захара, красноречив до посинения. Неужели нет денег на хорошего парикмахера? В просвете тонких блондинистых волос лысина отликает розовой попкой младенца. На душе тоскливо от созерцания всего этого. Ему тоже не очень весело, хотя едет к любимой жене. Он старается держаться, но от меня, его секретаря,

ничего не скрыть. Ирина права, когда говорила, что её муж большую часть своей жизни проводит со мной.

Что нашла в нём Ирина? Деньги? Но этого мало, чтобы вступить в брак, родить сына и оставаться женой Захара.

Зачем он свернул с дороги? Чувствую, как тяжело едем по узкой и глубокой колее. Мне плохо, боль в желудке. Если уткнуться лбом в спинку переднего сиденья, становится легче, но ненадолго. Тошнота подступила к горлу. Зачем он пользуется дезодорантом?

— Захар, мне надо выйти, — в другое время полюбовалась бы ромашками у самой дороги, но не сейчас. — Оставьте меня, прошу вас, мне плохо.

Ну, зачем он идёт следом за мной? В глазах темнеет, тропинка узкая, не споткнуться бы о корни деревьев. Он не отстаёт. Ускоряет шаг. Как ему объяснить, чтобы оставил меня одну?

Всё же влезла в крапиву, обожгла ногу. Густой кустарник расступается, поляна, никого нет, но костёр ещё дымит, недавно жгли. В случае чего закричу, — услышат.

Бревно, свежесрубленное, даже есть углубление, кто-то выдолбил. Вершины сосен и небесные просветы, — хочется туда, на свободу голубого цвета.

С Захаром что-то не так, непонятно, зачем

вчера предложил ночевать в его доме. Чтобы с утра пораньше отправиться к Ирине? Но утро давно прошло, скоро вечер. Что он замыслил? Может, знает всё о нас с Ириной и решил мне отомстить? Как? Бросить в лесу? Ерунда, детские страхи.

— Надя, Надежда? Ты где?

Тревожится. А, может, я ему нравлюсь, и он так ухаживает за мной? Завёз в лес, чтобы что?

Знает ли он, что мы с Ириной дружили со школьных лет? Если да, как к этому относится?

Когда принимал на работу, казалось, не смотрел на меня. Ни о чём не спросил, подписал заявление и отвернулся к компьютеру. Жена приказала принять меня секретарём, он и принял. Жена знает, что он любит только её, и других женщин для него не существует.

Или она ошиблась? Он мог устать от ее темперамента. На её фоне моя сексуальность ниже нулевой отметки. Иррациональное число, привлекательное для математика.

Дима советовал меньше думать: в большинстве случаев люди не такие, какими я их представляю. Подразумевается, что сам Дима разбирается в людях лучше, чем они в себе сами: «Вот и твоя подруга совсем не такая, какой ты её себе представляешь». Ну и что? Все мы ошибаемся друг в друге и в себе тоже. Ирина — не исключение.

Плотный, больше средней упитанности Захар производит впечатление неблагополучного: тревожный, — непонятные страхи, хотя бизнес процветает, частая смена настроения, — хотя математик по образованию. Или я чего-то не понимаю, и всё это может сочетаться в одном человеке? Ирина сказала, когда с ним впервые переспала, невротика завела. Он будто под гипнозом, слышит только её голос. Но ведь когда-то проснётся и увидит... Уже проснулся?

Начитанный Дима говорил, что в Ирине избыток мужских гормонов. Если число подобных женщин достигнет критической массы, начнётся война, неважно кого с кем. После войны количество мужчин значительно сократится, и они будут выбирать в пользу женственности. Для восстановления гармонии в природе. Очередная теория женоненавистников: женщины не тех рожают и сами не такие, как надо.

Подумать только, всё зло от нас! И нечего бояться Захара — подкаблучника. Даже нашей жилетке, Марье Ивановне, бухгалтеру и отделу кадров в одном лице, надоело его жалеть.

В поступках шеф логичен, поэтому не стал бы везти меня в лес, если у него было миллион возможностей расправиться со мной, ведь мы с ним работаем вместе. Или на него повлияло как раз то, что мы теперь не в привычной обстановке?

Пробудились неясные желания, связанные с насилием? Или он просто увидел во мне женщину? Димы рядом нет, он бы всё объяснил.

— Надя, как ты? Ехать сможешь?

— Смогу.

— Может, сядешь рядом? Не бойся, приставать не буду, — кажется, он умеет читать мысли. — Выпей, легче станет, — он протянул стакан с мутной жидкостью неаппетитного цвета. — Ананасовый сок, худею, знаешь ли.

— Не хочу, не надо.

Смотрит, как будто сейчас выплеснет сок на меня. Сдержался, выплеснул в окно.

Уже недолго, уже ощущается свежий запах озера, напоминающий морской, только прохладнее, и водорослями не пахнет.

Резкий толчок, я, кажется, задремала, чуть не угодила лбом в стекло.

— Забыл, так и есть, забыл, — он рылся в карманах.

— Что-то важное?

— Нет кошелька. С паспортом и водительскими правами. В кафе оставил, больше нигде. Надо возвращаться.

Не помню, чтобы кто-то из знакомых мужчин терял кошелёк. Это женская привилегия.

Он так расстроен, так зол, что я не решилась попросить его сначала отвезти меня к озеру, а

потом вернуться в кафе с романтическим названием «У трёх дорог».

Зачем мы в начале пути заезжали в кафе, если хорошо поели дома? Совсем недалеко отъехали от города, я была неголодна, и к тому же боялась, что от некачественной еды к головной прибавится боль в желудке. И осталась в машине. Захар решил перекусить. Если бы я с ним пошла, он бы не оставил в кафе свой кошелёк.

В тот, первый раз, площадь у кафе была забита машинами: от разнокалиберных легковушек до КАМАЗов, — признак того, что неплохо готовят. В этот раз площадь почти пуста, время обеда давно прошло.

— Есть будешь? — спросил он, вылезая из машины.

— Нет.

— Как хочешь.

Он заторопился. Я тоже решила выйти, размяться, и услышала весёлый голос:

— Привет, Захар. Ух, ты, какую красавицу везёшь! Познакомь. О, привет, а мы уже знакомы.

Я всё допускаю: в моём состоянии, когда путается сон с явью, могла познакомиться и тут же забыть.

Загорелое лицо, синие глаза, белые ровные зубы, стройная фигура, — к голливудским мужским прелестям приложились голубая рубашка и синие

джинсы. Немного хищная улыбка, странно знакомая. Из фильма? Мужчина лёгким движением пригладил тёмные волосы с золотым отливом, — блестящие как на глянцевой обложке. Голос Ирины: «Волосы — блеск, зубы белоснежные, и глаза. Ах, эти глаза!». Нет, не встречала, в нормальной жизни с ним не знакомилась. Или Ирина ему рассказывала обо мне? И так красочно, что он сразу меня узнал?

Выражение лица шефа изменилось, будто уксуса хлебнул, багровеет мгновенно, когда злится.

— Будете на даче, загляните ко мне. Я вас угощу таким мёдом, какого вы ещё не ели. Спросите, где пасека Кирилла, любой покажет. Кирилл это я.

Он сел в машину с фургоном. Захар подождал, когда тот отъехал, направился в кафе, вскоре вернулся, с пакетом пирожков с яйцами и луком, его любимые, довольный, — нашёлся кошелёк. Он жевал пирожки и уверенно, одной рукой, держался за руль. Видимо, ему надо что-то жевать для успокоения.

Пирожки съел, пакет выбросил в окно и вытащил откуда-то из-под ног сумку, достал термос, налил кофе. Ароматный, такой, какой мне нравится. Я люблю, когда мужчина готовит кофе, но не Дима: редко успевает вовремя снять с плиты. Получается вместо кофе пойло, которое я

вынуждена пить, чтобы не обидеть друга. Он любитель крепкого чая.

От кофе замутило. Так плохо, что захотелось открыть дверцу и выпасть на асфальт. И все мои страдания, наконец, закончатся.

Совсем недолго ехали, не прошло и получаса: «Я голоден», — хрипло произнёс Захар.

Он резко остановился у непривлекательного здания из серого бетона с вывеской «Пельменная». Сумеречный зал, стилизованный под старину: грубо сколоченная деревянная мебель. На полках вдоль стен горшки из керамики, медные самовары и деревянные кружки. Сомнительное для меня украшение. Или в эти кружки можно наливать пиво? Спрошу у Захара, но не сейчас. Жёсткий стул выпрямил спину, стало легче дышать.

Пельмени — не моя еда. Но Захар заказал. Заботливо придвинул салат, сметану: «Ешь».

Я не прошу, чтобы он обо мне заботился! Мне плохо, пища застряла в горле: не могу ни пить, ни есть. Тоска. Желание бежать. Но куда?

— Что с тобой? — Встревожился Захар.

— Мне плохо, я сейчас.

Не надо было есть помидоры. Я их не люблю в общепитовских салатах: сок вытек, мякоть затвердевшая, вкус сырой картошки. Ем только свежие, приготовленные дома.

В умывальнике прохладная вода, приятно,

можно умыться, принять таблетку от головной боли. С трудом протолкнула.

Я не хочу никуда ехать, я ненавижу начальника, меня пугает путь в неизвестном направлении. Клаустрофобия плюс страх начальства, страх фобии, фобия в квадрате — я схожу с ума. Я мечтаю сойти с ума и боюсь этого.

Неужели кошмар никогда не кончится?

«Надюха, возьми себя в руки, обними себя крепче, вот так, я тоже обниму и поцелую. Но когда меня нет рядом, сама себя обнимай. Разве нормально, каждый вечер приходится тебя успокаивать? Что случилось в этот раз? Тёмной комнаты испугалась?» — спрашивал Дима, голос теплел, он улыбался мне. Улыбочка так себе, кривенькая, но хоть старался, и я успокаивалась. Вот и сейчас довела себя до того, что вот-вот сердце не выдержит и остановится.

Ну, почему я такая? Со своими комплексами накрутила себе такого, стыдно признаться. Даже Диме нельзя рассказывать, что Захара заподозрила немисливо в чём. В том, что он хочет меня убить, потому что мы когда-то дружили с Ириной?

— Надин!

За столиком, у самого входа женщина — бегемот с необъятным животом, в чёрной юбке из шёлка, подол свисает до пола, и белой кофте в кружевах, вышивка искусственным жемчугом,

махнула мне рукой, блистающей кровавым маникюром и золотыми перстнями, и назвала школьным именем. Трудно узнать, но я узнала по круглому, круглее не бывает, лицу одноклассницу Олю с рыбьей фамилией. Про неё говорили, что она гладила колготки. Чистенькая, аккуратненькая девочка со средними способностями. Карасёва? Акулова? Оля Окунева. Ну, как же, два «О», круглые очки. Теперь она без них. Бывает, зрение восстанавливается.

— Привет, Надин! Ты хорошо сохранилась. Знакомься, Егор, пока муж, — сказала она загадочно.

Рядом с ней сидел хмурый широкоплечий мужчина, почему-то я решила, водитель — дальнобойщик. В легковушке ему было бы тесно.

— Привёз в дешёвую пельменную. Ты только посмотри, пластмассовые вилки, ни одной целой. В зубах, что ли ими ковыряют?

— Тише, Оля, тише, люди слышат, — уговаривал мужчину, склонив голову, скрывая выражение лица.

Лицо Оли налилось кровью, кажется, назревал семейный скандал.

Раньше она была беленькой, с чистой кожей, туго заплетённой косой, теперь мясистые щёки бордового окраса тряслись от гнева, рыжие спутанные волосы неестественно торчали в разные

стороны. Глазки, и без того маленькие, злобно сверкали и пытались вылезти из жировых наплывов.

Её мать, активистка родительского комитета, тоже круглолицая, с ямочками на щеках, поправляя фигу на затылке из редких, серых волос, улыбалась нам: «Оленькины подружки? Вот и славно. С Оленькой дружите».

Своему зятю она тоже сказала дружить с Оленькой?

Оля была безобидной, кажется, все десять лет в школе у неё не было врагов, а про мать поговаривали, что она ссорилась с соседями и даже судилась. Мы повторяем наших мам?

Егор теперь смотрел перед собой, и то, что там было, ему не нравилось, но он готов терпеть всё, что пошлёт судьба.

Где-то я прочитала, что терпение — скрытое отчаяние.

— Вот, разводимся, — она кивнула на мужа.

— Зачем? — если прозвучало легкомысленно, я не просила втягивать меня в семейные разборки. Но как бы ни было, я на стороне Егора.

— Все разводятся, — пожалала плечами Ольга, будто тема ей давно наскучила.

— С тобой всё ясно, мода, прежде всего. А вы, Егор, тоже хотите развода?

Поднял голову, посмотрел на меня,

внимательно, лицо серьёзное, и его взгляд меня не раздражал. Кажется, дошло, что перед ним стоит привлекательная женщина.

Повеселел, не увидев обручального кольца. Понял, что привлекательная женщина одинокая и безрадостная? Пусть не совсем одинокая, но явно, к счастливым людям не относится.

— Теперь хочу, — улыбнулся он. Лицо разгладилось, молодой, наш с Олей ровесник. Для мужчины не возраст.

— Наконец! Я рада. Ты хорошо на него влияешь. Почему не приходишь на встречи одноклассников? Дай твой телефон, — Ольга порылась в сумке, достала изящную записную книжку и ручку. — Лучше сама запиши.

Егор протянул свою визитку:

— Может, пригожусь. Я занимаюсь перевозками. Обязательно позвоните. В любое время дня и ночи, — он погладил мои пальцы. Бережно, но я почувствовала его силу. Надёжная рука.

— Как же, перевозками. Теперь поняла причину нашего развода? Я сижу дома, жду его, а он неизвестно с кем в кабине едет.

Я постаралась легкомысленно махнуть рукой и грациозно пройти до места, где ждал меня Захар.

— Ну, как? Полегчало? — спросил он.

— Уже лучше. Может, поедем? Ирина

заждалась.

Выражение его лица резко изменилось, будто сморщился надутый воздушный шар, губы дрожали. Неужели слёзы на глазах?

— Что-то случилось? С Ириной?

— Нет-нет, всё нормально, — он тоже испугался. Чего?

Шеф слишком изменчивый. Я не успеваю привыкать к его состояниям.

Совсем немного проехали по дороге, почти ровной, и мне снова нехорошо. Какой мучительный путь! Кажется, я застонала: его шея медленно задвигалась, напряглась, посинела от натуги, карие глаза в белых ресницах долго и пристально смотрели на меня. Ну, зачем он повернулся ко мне? Нельзя так, ведь он ведёт машину. Как бы чего не случилось, например, зайчик попадёт под колёса. Зайчика жалко. Или суслика. И мышку жалко тоже.

— Э, да ты совсем плохая. Укачало тебя, — резко остановился. Порылся в карманах, достал таблетки. Сколько их у него? — Выпей, обязательно поможет.

— Не надо, не хочу, прошу вас, не надо, — я отталкивала его протянутую руку.

— Ну, же, как маленькая. Больно не будет. Обещаю.

Я не хотела, но почему-то в одной руке оказался стакан с минеральной водой, в другой —

таблетка. Положила её на язык, немного воды. Таблетка застряла в горле, будто раздумывала, не вернуться ли назад. Наконец, прошла. Я ждала облегчения, но оно не наступало.

Последнее, что помнила, испуганный взгляд Захара. Неужели я так жалко выглядела?

Меня уже ничего не тревожило. Куда-то делись привычные мысли: я злая, завистливая, принесла несчастье Ирине, родившей слепого сына, сама же избавилась от своего ребёнка. Мысли уплывали и меня уже не трогали, опустился туман, я погрузилась в сон, беззаботный, как в далёком детстве.

Долго просыпалась. Выныривала и опять погружалась в сон. Снился синий взгляд, весёлые глаза, загорелое лицо, немного хищная улыбка. Мужчина подмигнул и улыбнулся. Как мальчишка. Хитрый, из тех, что подсматривают, подслушивают. Что же он подсмотрел? Какую тайну узнал?

С трудом открыла глаза: незнакомое, почти во всю стену окно. Рама из светлого дерева, не обезображенного краской. По сумеречному небу плыл туман.

Если слегка приподняться, можно увидеть новенький штакетник. Сразу за ним сосновый лес, показавшийся в сумерках густым и непроходимым.

Кружилась голова. И я снова легла. Небо быстро темнело, и жёлтый цвет скатерти на столе у

окна, приобретал серый оттенок. Жёлтый — любимый цвет Ирины.

Незнакомая комната пугала, но лежать уже не хотелось. На мне всё тот же сарафан из хлопка, но не холодно: я согрелась под тёплым одеялом, но тревога заставляла действовать.

Под ногами почувствовала что-то мягкое. Почему-то сразу поняла: тело человека. Нащупала шнур у изголовья кровати, кнопку выключателя: хрустально зажёгся светильник на стене, осветилась комната, обилием техники напоминающая офис. Уж, не на работе ли я? И поездка с Захаром мне приснилась?

О, боже! Мужчина! В джинсах и знакомом свитере уткнулся лицом в ковёр. Слегка волнистые волосы. Я любила их перебирать и наматывать на пальцы. Поза неестественная. Так не лежат живые люди. Труп!

Инстинктивно выключила свет. Окно большое и не зашторено. Нежелательно, чтобы кто-то увидел меня рядом с трупом. Момент, определивший дальнейшие события: ведь я не вскочила, не закричала, не побежала звать соседей и вызывать милицию.

Учащённо билось сердце, внутренний голос взывал бежать и прятаться. Кто же он? Ответ пришёл сразу: тот, кого я старалась забыть. Тот, кому я мечтала отомстить.

Я сидела как оглушённая, повторяя про себя: «Со мной никогда такого не было. Никогда со мной такого не случилось. Никогда ещё под моими ногами не лежал труп». Я причитала, как моя мать, которая перед переездом в деревню сильно занемогла и повторяла с утра и до ночи: «Мне так плохо. Что со мной? Я так плохо себя никогда не чувствовала». Она причитала, мучаясь головными болями, приступами радикулита, рано наступившей старческой немощью, стала неловкой, разбивала чашки любимого чайного сервиза: белый фарфор с позолотой, на двенадцать персон, от которого мало что осталось. Я представить себе не могла двенадцать человек, одновременно пьющих чай в нашем доме.

Мать слишком рано, не было еще шестидесяти лет, стала терять память, временами ничего не помнила, даже забывала моё имя. Видимо от нервных перегрузок хирургической сестры в течение всей трудовой жизни.

Впервые сидя на чужой, широкой кровати и поджав под себя ноги, я посочувствовала ей. И поняла её. В такой форме она пыталась выразить простую мысль: вот и старость не в радость наступила. Я тоже выражаю свои обиды: подобным мне, неудачницам и молодость в тягость.

Ни звёзд, ни луны, лампа погашена, но тёмную комнату я видела ясно. Будто в то короткое

время, когда горел свет, внутри меня, как на фотографии, отпечаталась вся обстановка, даже та, на которую я не смотрела.

Запомнилось у окна кресло, в нём одежда: серебристый костюм, бархатная чёрная сумка, в неё входит только носовой платок, пачка сигарет и губная помада. Со спинки кресла свисал до пола, похожий на мой, бледно зелёный шарф из шелка. Под ним вязаная меланжевая кофта. Вязала я долго, не одно лето, сидя на берегу речки — вонючки, протекающей недалеко от дома.

Шарф и кофта пригодились бы. Но зачем сумка? Она для ночного клуба. И серебристый костюм не для озера. Ведь я знала, что будем жить в палатке.

Тот, кто принёс сюда мою одежду, рассчитывал на панику. По замыслу врага я должна была закричать и выбежать на улицу, позвать соседей, заявить в милицию. И уже мне нужно было бы объяснять, почему мои вещи находятся рядом с трупом.

Светлая мебель и такая же дверь — ориентиры в тёмном пространстве. Только бы не коснуться трупа.

Наконец, перешагнула порог и оказалась на веранде. В соседнем двухэтажном доме ярко светили окна, и я увидела диван. Удобно сидеть на нём и смотреть через застеклённую почти до самого

пола стену. Перед окнами штабель дров, строение, напоминающее баню, и дальше высокий забор, как мне показалось, в два человеческих роста. Нет, конечно, но в тот момент забор был для меня неприступным.

Спокойно. Не паниковать. Захар поехал за милицией. Я, видимо, так крепко уснула, что ему пришлось меня перетаскивать сюда.

Не надо было соглашаться ехать с ним на озеро. Я слишком переволновалась из-за этого. Неврастеничка несчастная! Лечиться надо. Теперь трупы чудятся. Скоро монстры появятся, и будут корчить рожи, и скалить зубы.

Я уговаривала себя, что всё нормально, скоро вернётся Захар. Но тревога не отпускала. Диван притянул, я чувствовала слабость и села. Мне было холодно в тонком сарафане. Жаль, не захватила кофту, ту, что осталась в кресле. Дорожной сумки с моими вещами в комнате не было, видимо, осталась в машине. С собой в дорогу брала только зубную щётку, полотенце, купальник, смену белья и спортивный костюм.

Тому, кто привёз сюда мою одежду, надо создать видимость, что я тут проживаю. Даже если убегу, по одежде меня найдут. Подобное уже читала в каком-то детективе. Там, помнится, преступницей была жена. Или её муж? Забыла. Хотя нет, помню. Убила жена, а муж придумал

коварный план, решив подставить её подругу. Он проник в квартиру, взял одежду и отвёз в дом убитого.

В том детективе много разного происходило, сейчас трудно сосредоточиться и вспомнить последовательность событий, но главное я помню: жена убила любовника, убила из ревности. О, боже! Ирина убийца?

Это он, Василий, успешный банкир, от которого я забеременела и сделала аборт, убийцей могла быть и я. Или Дима. Отомстил за меня. Ключ от моей квартиры есть только у него. Воспользовался случаем, а мне сказал, что едет в командировку. Не помню, чтобы когда-то он ездил в командировки. Значит, он всё это сотворил? Но зачем? Он продолжает встречаться с Ириной? Сказал бы мне, что тут такого, ведь мы не женаты.

Представляю, как Ирина будет торжествовать, когда я расскажу ей. Упрётся по-бабьи кулаками в собственные бока, — наступательная позиция, и проскрипит: «Когда умный человек предупреждает, слушай и соглашайся»!

Умный человек это Ирина. А я наивная дура. Правда, после того, как она узнала, что я стала жить с Димой, наивную заменила на примитивную, чтобы обиднее звучало. И добилась своего.

Знать бы ещё, чья это дача. Бесспорно, дача. Хотя из дачной мебели только кровать и скатерть.

Ирина говорила, что у них двухэтажный дом в Палкино, винтовая лестница, из холла на второй этаж. Перила из металла, кованые, как чёрные кружева, залюбуешься. Ей пришлось переспать со специалистом по могильным оградам. Что ж, в её стиле. Экономная.

Может, я ошиблась, и там, на ковре лежит не Василий? Может, я сюда попала случайно? Была авария. Машина перевернулась. Или перестрелка, что-то взорвалось, меня оглушило. Захар занимается бизнесом, наверняка у него есть враги. Но я не слышала, чтобы ему угрожали. Я бы первая узнала: вся информация сначала поступает ко мне. Ирина хвалилась, что Захар умеет со всеми договариваться.

О, боже! Жуткая темнота, конец света! На всякий случай заползла за диван, прижалась к деревянной стене. Хоть здесь повезло, стена могла быть каменной, холодной.

Как я сразу не догадалась, темно, потому что выключили свет в соседнем доме, сразу на двух этажах.

Шум отъезжающей машины. Соседи уехали.

Меня трясло, но не от холода. Привычка, прежде чем действовать, мне необходимо подумать, как следует во всём разобраться, — сейчас вредила. Новая информация не поступала, и я впадала в депрессию. Захлёстывали обида и жалость к себе.

Попытка посмотреть на себя со стороны ухудшала состояние: на полу сидела молодая, далеко не уродливая, женщина, мечтающая вот тут и немедленно умереть.

Мне было плохо, очень плохо: одиночество, преследовавшее всё детство и юность, догнало меня. Но мне было в миллион раз хуже.

И я понимала, что долго тут одна не просижу. Тот, кто появится, — мой враг.

Надо прятаться, но с умом — сменить положение, чтобы держать ситуацию под контролем. Диван легко откатился от стены, и я переместилась так, чтобы наблюдать за входной дверью.

Я сидела между диваном и стеной, подтянув колени к подбородку, и ждала. Дождалась.

Он возник неожиданно в проёме двери. Мог включить свет. Но не включил, осторожно прошёл мимо дивана, вошёл в комнату, что-то грохнуло, кажется, упал стул, я резко оттолкнулась от спинки дивана и выбежала из дома. Колени дрожали от напряжения, я присела за бочкой у самого крыльца.

— Надя. Надежда! — услышала я зов Захара.

Не двигаться. Он опасен. Убийца? Или скрывает убийцу? Кого? Ирину?

Нет, Ирина моя лучшая подруга, единственная, вот уж многие годы. Она не могла так со мной поступить. Захар её любит и не обидит

меня.

Я уговаривала себя подняться и показаться ему, но тело не слушало. Наступила тишина. Жуткая. Ловкий и опытный хищник вышел на охоту.

Он всё также, крадучись, ступил на крыльцо, огляделся, встал почти рядом, слышно свистящее дыхание курильщика. Я ощущала его пот, неприятный запах изо рта.

Было очень темно, так темно, что я не различала ни двери, ни Захара. Может, мне всё это чудится?

Судя по шорохам, он спустился с крыльца. Хлопнула калитка, шум мотора. Тишина. Он передумал и сейчас вернётся?

Надо было выбежать следом за ним, скрыться в лесу. Но мешало сомнение, может, я вообразила комнату с трупом, может, это галлюцинации? Весь день была нездорова. Может, Захар разыскивает меня, чтобы, наконец, отвезти к озеру?

Я, как пугливый зверёк, прячась за бочкой, старалась уйти от страшных мыслей, уговаривая себя, что Захар не опасен. Но всё же решила прятаться, пока не пойму, что произошло. Но как я пойму прячась?

Хлопнула калитка. По земле хаотично передвигался круг света. Сообразил, с фонарём решил меня искать.

Остался только один путь: туда, назад, в ту страшную комнату. Только бы успеть.

Крыльцо, веранда с диваном, дверь в комнату. Рядом с дверью должен быть выключатель. Так и есть. Зажглась люстра, отразившись на потолке хрустальными переливами.

Рядом с трупом, никаких сомнений, что убит Василий, лежало ружьё. Я почему-то была уверена, что оно там лежало, хотя с кровати мне не было его видно. Или всё же видела?

На двери задвижка, я это знала. На окнах решётка, раньше не заметила. Придвинула кресло к двери, взяла ружьё, не почувствовав тяжести: страх творит чудеса выносливости. Ага, Захар поднимается по ступеням шаркающей походкой, проходит веранду, тыкается в дверь. Трясёт изо всех сил. Тряси, тряси, тебе это не поможет.

Я набрала в лёгкие воздуху, и громко, как могла, произнесла:

— Захар, не пытайся войти, я буду стрелять!

Наступила тишина, он ведь тугодум, наконец, хрипло заговорил:

— Не дури, Надежда, открывай.

— Не открою. Если попытаешься сломать дверь, получишь пулю.

Он помолчал.

— Ирина говорила, что ты с заскоками, но я не верил.

— Вызывай милицию. Без милиции я не открою.

— Где я тебе возьму милицию? В Палкино её нет.

Значит, я в Палкино. Где-то рядом их дача. Он снова толкнул дверь. Ещё такой толчок, задвижка не выдержит, и я выстрелю.

— Открывай. Ты понимаешь, что делаешь? Я вызову милицию, и тебя увидят рядом с трупом.

Лучше молчать, чтобы не дать возможности уговорить себя сделать то, чего я не должна делать.

Стало тихо. Прошло немало времени, прежде чем я услышала, шаги: Захар уходил. Стук калиткой и почти сразу шум отъезжающей машины.

Если у него есть сообщники, мне не скрыться. Хотя почему не скрыться? Лес кругом. Где-то недалеко должна быть станция.

Быстрее выскочить из дома — ловушки. Сразу же пожалела, что не взяла тёплую кофту.

За дорогой чернел лес, и не было никакого желания идти туда. Но прятаться надо от людей, — разумно решила я и зашагала в сторону леса. При близком знакомстве он уже не казался густым и непроходимым. Неожиданно услышала звуки работающего телевизора. Залаяла собака. Лес быстро кончился. За низкой оградой стоял невысокий дачный домик, манивший светом из окон. Донесли стрельба и взрывы. Кто-то смотрел

телевизор.

Собака уже не лаяла, я постояла и решила идти дальше. Тревожило то, что оставила на ружье отпечатки пальцев и не забрала одежду, — доказать невиновность мне будет очень трудно.

Надо добраться до Ирины. Только она мне может помочь, спасти, защитить от Захара.

Мы с ней вдвоём что-нибудь придумаем. Не верю, что она его безумно любит и готова закрыть на всё глаза. Нет, ей не безразлично, кто её муж и отец её сына.

Захар

Громко и надоедливо зазвучала Бетховенская «К Элизе», и от усердия телефон чуть не свалился на пол. Но я успел подхватить его, как не раз подхватывал на краю тумбочки, и уж потом просыпался. Каждую ночь кому-то был срочно нужен. Что делать, такая незавидная доля современного бизнесмена, если он зарабатывает своим умом.

Мелодия прервалась, и я услышал до боли родной, материнский, самый любимый голос:

— Захар, ты слышишь меня? Захар, проснись же. Я убила Василия.

Почему Василий? Отца звали Виктором, я Захар Викторович. Что за нелепость? Чего только

не приснится.

Связь прервалась. Я окончательно проснулся и вспомнил то, чего не забывал: матери нет, она умерла за год до рождения моего сына Алёши. Совсем недавно, в мае, мы отметили ему четыре года. Когда сыну не исполнилось года, мы узнали, что он безнадёжно слепой, и никто в мире ему не поможет. Ирина увезла его на дачу. Они там живут с прошлой осени, чтобы городской шум и запахи не раздражали мальчика. Там же поселилась сестра Вера, помогать Ирине. На день рождения сына приезжали мои близнецы — братья с жёнами и племянниками. И я радовался, что мог собрать всю мою семью, и всем хватило места в нехилой фазенде, как сказали близнецы. Живут в разных городах, а сохранили способность одинаково думать и говорить хором.

Я держал телефон и думал: какой чуши не приснится, надо принимать успокоительное на ночь.

Но что-то помешало окончательно поверить в то, что это был сон. Я проверил принятые вызовы и с ужасом прочитал: Ирина 4.07.2007 4.07. Симметрия чисел убедила меня в достоверности происходящего. Сейчас раннее утро пятницы. Число четыре я давно обвёл в календаре: считал каждый день до отпуска.

В отпуск уйдут все креативщики, лучшие в

городе дизайнеры по рекламе, и два сотрудника: бухгалтер, отдел кадров в одном лице, и я, Захар Головкин, руководитель и владелец рекламного агентства «Ника». В офисе останутся секретарь Надежда Павлова и заместитель, он же художник и дизайнер по рекламе, Дима Кузнецов. Два человека с неприятными фамилиями. В коллективе поговаривали, что Надежда скоро сменит фамилию на Кузнецову. Это их дела.

Я же хотел, наконец, вырваться из душного города на дачу к жене Ирине, сыну Алёшке и сестре Вере. Так долго этого ждал, поэтому не хотел, не верил, что, действительно, произошло убийство. Жестокий розыгрыш, на это способен только Василий. Чего ожидать от скучающего на заслуженном отдыхе друга юности? Чья главная заслуга в том, что удачно выбрал себе отца. Зачем Ирине убивать Василия? Скучают оба, вот и решили втянуть меня в игру, вроде «Последнего героя». Люди помешались на играх и розыгрышах.

Можно допустить, как вариант, что Ирина могла сбить его, пьяного, когда вела машину.

Я пытался дозвониться, раз, ещё раз, ответа не было. Наконец, Ирина отозвалась.

— Это правда. Случилось ужасное. Нет, не под колёсами, — сказала она, и я с трудом узнал её голос. Она не актриса, чтобы так перевоплощаться.

— Ты кому-нибудь ещё звонила?

— Н-нет.

— Нет или звонила?

— Нет, я говорю правду.

— Где он?

— На пороге нашего дома.

— Пусть остаётся. Никто об этом не должен знать. Жди.

Нельзя, чтобы повторился уже пережитый кошмар. Если это судьба, нельзя допустить ареста Ирины, суда над ней. Потом долгие годы несвободы, не только для неё, но и для меня и сына.

Я мчался к ней и боялся, что никогда её не увижу, что она покончит собой. Вспоминал то время, когда врачи подтвердили, — наш сын слепой, и ничего уже не изменить.

Она страшно горевала. Не могла спать без снотворного. От отчаяния выпила горсть таблеток. Там, на небесах, есть всевидящее око, иначе не объяснить, почему именно в тот день в офис привезли, наконец, шубу из комбинированного меха, о чём мечтала Ирина. Надо было срочно платить, денег с собой я не носил, поехал домой.

Я смотрел на бледное лицо глубоко спящей Ирины, и думал, если умрёт, я этого не переживу.

Она лежала, укрытая новой шубой, пока ни приехала неотложка.

О Василии думал с раздражением. Всё, хватит, наслушался его советов. Зачем он, доктор

математических наук, удачливый банкир, бросил столицу нашей родины, вернулся сюда, в город детства и юности? Город неоправданных надежд, как он любил говорить. Женился на местной красавице, поселился на даче, по — соседству, и круглосуточно накачивал себя алкоголем. За короткий срок талантливый математик, удачливый банкир и любитель женщин опустился до того, что одурманенный алкоголем, приставал к бабе Нюре, старухе под девяносто. Старушка ещё ничего, бодренькая, рассказывала: «Молодой была, всё хворала, а сейчас силищи во мне накопилось, богатырской, ещё на сто лет хватит». Василий позвал её дров наколоть для баньки, и она потом смеялась: «Всё норовил сзади пристроиться. Но я шибанула ему по яйцам, он и свернулся».

Неужели у моей жены был роман с алкоголиком? И она из ревности пристрелила его? Или потому что он сзади пристраивался? А она ему отказала? Склоняюсь к тому, что моя неверная жена с ним спала.

Не Ирина, не Василий, меня тревожили Вера и сын.

Ирина ждала меня на лавке у дома.

— Где сестра с Алешей?

— Они там, — Ирина кивнула на темные окна второго этажа. — Вдвоем. Спят.

Стены в детской звуконепроницаемые по

совету психолога, чтобы не переутомлять чуткого ребенка звуками. Хоть здесь повезло, и сестра с Лешей не слышали выстрела.

Василий лежал у порога, тёмные капли крови ярко смотрелись на светлом полу. Пуля пробила сердце. Мгновенная смерть.

Я перетащил его в машину, на заднее сиденье, Ирина села рядом со мной, и повезли его к нему на дачу. Скорбный путь, я молчал, Ирина плакала. Печально было смотреть на его дом. Зачем вся это роскошь, если один меткий выстрел, и жизнь оборвалась. Мы положили его на ковёр и рядом ружьё.

— Надо протереть, чтобы не было отпечатков пальцев, — сказала она, но слова ее до меня не дошли.

Когда мы уходили, она оглянулась, не видят ли нас соседи. Допустим, не видели, но шум машины могли слышать, если не смотрели телевизор.

Была пятница, раннее утро, машины косяком направлялись в сторону дач.

Когда мы вошли в квартиру, я не выдержал, схватил её и стал трясти:

— Ты спала с ним! Ты же мне обещала не делать этого!

Я ненавижу её.

— Нет, не спала, поверь мне, я с ним не спала.

Он угрожал. Он был пьян и с ружьём, он явился к нам и угрожал.

Я ей поверил: история повторяется, прошлое догоняет нас.

На ней был мой любимый костюм в тёплых тонах, приглушенно красного цвета. Мне показались пятна на груди, пришлось позже сжечь его.

Она скинула всю одежду, как обычно это делала, упала на кровать, разрыдалась. Я подал воду, ее зубы стучали о край стакана, вода лилась по подбородку, капала на голую грудь. Она отвела мою руку и попросила немного коньяка, только глоток, взбодриться, чтобы не спать. Потом встала, накинула халат, подошла к зеркалу, накрутила губы яркой помадой и сказала:

— Я убийца. Тебе не страшно?

Женщина остаётся женщиной, даже совершив тяжкое преступление.

«Я убила», — сказала она.

Подошла к зеркалу и накрутила губы. Или она чудовище или солгала. Накрашенным ртом легче лгать.

Но если бы она отказывалась от содеянного, если бы говорила: «Нет, это не я», — было бы понятно. Но зачем брать на себя чужой грех?

Когда она двигается, я понимаю её настроение. Но если она неподвижна и молчит, я

теряюсь. О чём она думает?

Я завис: ни мыслей, ни желаний. Она подошла ко мне, положила горячие ладони на мои плечи:

— Что будем делать? Вызовем милицию, и меня посадят?

— Нет, Ирина, нет, — я снял её руки и, видимо, крепко их сжал, потому, что она поморщилась. — Нет, всю вину я возьму на себя. Убил из ревности.

— Спасибо, родной, — просто сказала она. И в тот момент мне захотелось что-то придумать. Я не хотел отвечать за убийство, которого не совершал.

— Вот что, я отвезу тебя к озеру. Тебя там не будут искать. Поставим палатку. Ту, что мы брали с собой, пока ни нашли пещеру. Помнишь?

— Конечно. Возьму спортивный костюм, чтобы не заезжать на дачу.

— Да, да. Там Вера с Алёшей. Не надо их тревожить.

Мы молчали до самого озера. Не знаю, о чём думала Ирина, но я жалел о том, что случилось, как мне казалось, сильнее её.

Когда приехал, чтобы создать иллюзию присутствия Надежды, снова увидел Василия на ковре, там, куда положил его, возле кровати, и рядом ружьё, что-то изнутри стало давить. Казалось, что я начал раздуваться, и боялся, что лопнет какой-то важный сосуд в голове, и кровь

выплеснется изо рта, ушей и носа и сольётся с кровью моего друга. Но всё же не забыл оставить одежду Надежды, разбросать по креслу, стереть с ружья отпечатки пальцев.

После того, как поставил палатку Ирине, посоветовал ей поспать, если сможет. Был уверен, сможет.

Никого не было. Ни одного человека. Кругом, до самого берега, даже на кромке суши и воды, почти в воде, стояли палатки, но никто не вылез, я специально наблюдал, и уверен, меня никто не видел. Желających встречать рассвет мало, только рыбаки рано встают. Но они уже уплыли на лодках туда, где клюёт рыба.

Думать начал только на обратном пути. Ирина могла переспать с Василием, когда была пьяна. Пила с Васькой и с ним же переспала. Такой вариант для неё не считался изменой: оправдывалась бы, что была невменяемая. Спросить её?

Я устал, мне казалось, что прошло уже много лет, а не три часа. Действительно, можно поверить философам, что время мы воспринимаем субъективно: чем больше событий, тем медленнее текут минуты и часы.

Вспомнилась почему-то крылатая Васькина фраза: «У женщин нет воли, поэтому они ближе к природе». Мы даже поспорили, кого считать

женщиной, кого человеком. Но ни к чему не пришли, решили, пусть философы занимаются, это их хлеб.

Когда Ирина изменяла мне, я всегда знал. Не догадывался, а знал точно. Было бы глупо даже пытаться меня обманывать, ведь она в постели становилась другой. Будто бы рядом, но ускользала, уходила, терялась в комнатах. Хладнокровная змея, изредка сжимающая моё тело в смертельных объятиях.

Я пытался следить за ней, оправдываясь тем, что женщина неразумна, и этим привлекательна.

Ирина отключала телефон. Потом оправдывалась, была в косметическом кабинете с расслабляющей маской на лице, тренировалась в спортзале, сидела в кресле зубного врача; с бормашиной во рту, — естественно, не поговорить. Я перезванивал администратору косметического кабинета, медсестре зубного кабинета, Ирина стала терять телефоны.

В те периоды, когда она увлекалась очередным безмозглым самцом, в доме наступала тишина. Даже если Ирина была дома, мы не разговаривали. Сын в такие периоды старался не шуметь, прислушиваясь к тишине со страдальческим выражением. Ирина первая замечала страдания сына, и всё проходило, она была с нами, будто возвращалась из далёкого

путешествия: весёлая и внимательная ко мне и сыну.

Её увлечения длились не больше месяца. Вскоре она забывала даже имя любовника. Так мне казалось.

Она смеялась: «У меня сердце маленькое, поэтому я такая безжалостная». В короткие периоды, когда у нас наступала счастливая полоса жизни, уточняла: «В моём маленьком сердце нет места никому, кроме тебя».

Обвинять её в обмане, в том, что она скрывала от меня многочисленные романы?

Она всё о себе рассказала при первом свидании. Мы сидели в ресторане, и она говорила, говорила. Мы пили шампанское и не пьянели. Она говорила, а я повторял одну фразу: «Выходи за меня замуж». Она смеялась:

— Так сразу? Переспали и в Загс? Любовь с первого взгляда? — помолчала, а потом спросила, — жалеть не будешь, что у твоей жены бурное прошлое?

— Тебе просто не везло. Кто тебя осудит за это? Не смей, я настаиваю на этом, не смей говорить о себе плохо.

— А если я буду тебе изменять?

— Глупенькая, ты этого сама не захочешь. Я постараюсь, чтобы этого не было.

— Что ты сможешь, если у меня появятся

грешные мысли?

— Женщина изменяет со зла, в ответ на плохое к ней отношение. Но у тебя не будет таких желаний.

Я жалел её: что хорошего видела эта молодая красивая женщина, кроме мужского свинства? Я заклинал себя, что не должен, не имею права плохо с ней поступать. Зачем тогда жить?

Ещё не встречалась женщина, чтобы я сразу почувствовал себя так, будто не жил до неё. Именно так я воспринял Иришу. Худенькая, беленькая, немыслимая, в прозрачной кофточке. Соски тёмные. Удивительно, всё такое маленькое, а грудь полная. Как и на чём держится? Миниатюрная талия, и рост выше моего. Когда я встречал подобных девушек, немыслимо тонких, удивлялся как чуду природы. Где у них помещается всё, что положено женщине?

Когда Ирина увлеклась Димой, — с нами уже жила Вера, и сын был под присмотром, — я даже обрадовался, значит, не надо больше опасаться самоубийства. Пусть делает, что хочет, лишь бы жила. Тревога отпустила меня, появилась возможность расширить поле деятельности нашей фирмы, и успешно, — сам не ожидал такой прибыли.

Но я переоценил себя. Разве можно забыть, как я возвращался поздно вечером домой, сын уже

спал, и меня встречала сестра, добрая, всё понимающая Вера.

Я не спал и слышал, как под утро возле дома останавливалась машина, как Ирина не могла попасть ключом в замок, наконец, поднималась по ступеням, стуча каблуками, будто вбивала гвозди в крышку гроба, щёлкал замок на двери её спальни: наступала тишина, и я ждал утра, чтобы идти на работу.

О чём я думал, когда уверял Ирину и себя, что она мне не будет изменять? Конечно, надеялся на то, что она, наконец, оценит меня, — купил двухэтажный особняк со скромным названием: дача в Палкино. Кроме парового отопления камины в каждой комнате, облицовка мрамором. В комнате Ириши камин малахитовый с позолотой. Она на первом этаже, на втором, более тёплом, детская Алёши. С ним Вера, заботливая, любящая моего сына, как собственного ребёнка. Наконец, моя сестра была по-настоящему счастливая.

Я ошибся, как ошибается большинство тех, кто считает, что любовь можно купить. Нет, не покупается, хоть золотом с бриллиантами облицевать комнату, от пола до потолка.

Не могла она водить мужчин в особняк даже с десятью комнатами, Вера бы не позволила. В жизни сестры, подчинённой Алёше, нет места больше ни для кого. Мне иногда кажется, что любовь Веры к

моему сыну так безгранична, что меня в её сердце уже нет. Надеюсь, что не до конца, держусь на самом краешке. Я очень хочу, чтобы она поняла меня сейчас, когда так нужна её поддержка.

Почему Васька не мог устроить свою жизнь? Почему лез к чужим женам?

У меня сын, у меня семья. Моя семья будет существовать столько, сколько я живу. Мир держится на таких, как я, ибо главное назначение человека — оставить после себя потомство. Ирина согласна со мной, иначе бы не родила сына.

Да, Ирина встречалась с мужчинами, до замужества, и Надежда предоставляла ей свою квартиру. Была бы моя воля, я бы посадил Надежду за сводничество. Её место в тюрьме, она заслужила, и я имею право быть ей судьёй.

Кроме неё о похождениях Ирины в нашем коллективе никому неизвестно. Разумеется, знает Дима. Но он ценит свою работу.

Кому ещё известно? Пусть говорят, я никого не удерживаю, более того, сам уволю.

Я знаю предпочтения своей жены. Она не любит пьющих мужчин, увлекается художниками. Правда, был у неё бард, были ещё мужчины разных профессий. Но так, на один раз, как говорила она. Всё же она предпочитает художников. Таким способом воплощала свою детскую мечту заниматься живописью?

Мне казалось, что глупо ревновать Ирину к Василию, ведь он мой друг. Поверил в его благие намерения, когда он на следующий день после свадьбы пригласил нас с Ириной в ресторан и завёл, как мне казалось, поучительную беседу:

— Ты, Ирина, считай, вышла замуж за девственника. Я же признаюсь, знал многих женщин: и замужних, и не замужних, и даже несовершеннолетние были, сами просились. Я не бросал женщин, пока они не начинала вить гнездо, вешать на окна занавески, вязать носки, Что-то ещё делали. В моём доме появлялись ненужные мне вещи. Я чувствовал себя обманутым, как если бы шёл в Храм, а пришёл в общежитие. Ведь за любым человеком, в том числе женщиной, тянется толпа родственников, друзей и знакомых.

Я чуть не прослезился, Васька настоящий друг, и старается, чтобы Ирина им не увлеклась. Женщины даже без далеко идущих матримониальных планов всё же хотят, чтобы мужчины воспринимали их потенциальными спутницами жизни.

Заметна была беременность Ирины, и Василий заговорил о том, что пора тоже завести наследника — логическое продолжение успеха богатого человека.

Не помню, о чём мы с ним говорили, когда он сказал, что моя Ирина страдает нарциссизмом.

Пусть так, но мне нравится, что для неё Алёша — лучший в мире сын, потому что продолжение её, — не спорю: эгоцентризм. Но мать должна быть такой.

— Для тебя женщина — мать, икона, дева Мария. Женщина всегда права, — истина, не требующая доказательства. Аксиомы не требуют затрат энергии. Ленъ это, Захар, ленъ, вместо того, чтобы жену под себя лепить, — поучал Василий, друг и учитель жизни.

Кто-то уже лепил. Кажется, бог. Из глины, из ребра мужчины, — неважно. Надо знать только, что истина с женщиной несовместима. Что сделала Ирина? Взяла и убила, потому что ружьё оказалось под рукой. Я ведь допускаю, что жена не всегда права. Она права инстинктивно. Но если в голову проникает идея, — женщина бывает опасна. Идея как граната в неопытных руках: в любой момент взорваться может.

Знать об этом, значит, быть защищённым.

Брак это выбор единственного партнёра из множества. Как это происходит, я не знаю. Обвинять меня в этом? Как устроен мир, нам известно не много, но ведь живём и пользуемся многими вещами, не зная, как они устроены.

Допустим, Ирина повернулась ко мне неизвестной стороной, и что я увидел? Сходство с моей матерью: нет человека и нет проблем.

Не ожидал? Зато я предсказуемый. Ирина

посещала тренинги для управленцев и вычислила, что я отношусь к либералам: мне легче самому сделать, чем кого-то заставить. Как в воду глядела: легче самому отсидеть срок, чем быть свидетелем суда над любимой женщиной. Нет, пожалуй, либерал не подходит, нужно другое слово. Допустим, поступок, достойный мужчины. Но мужчина у нас Василий, а я среднего пола. Наверное, настоящим мужчиной быть хлопотно: Василий как-то враз устал. Признался мне, что стал забывать и путать женщин: замужних со свободными, блондинок с брюнетками, и не узнавал при встрече. Путал имена, цвет глаз, попадал впросак, разговаривая по телефону, учился отделяться общими фразами.

Про жену Наталью сказал коротко:

— Была идея, явилась Наталья. Подошла.

Про идею я так и не понял. Зачем надо было устраивать конкурс: кто из трёх женщин быстрее забеременеет, на той и женится? Сомнительный приз. Попахивало садизмом.

Мне известны две мазохистки: Наталья и Надежда. Кто третья? Она была самая нормальная из трех, потому что отказалась участвовать.

Сомнения, правильно ли я сделал, женившись на Ирине, появились, когда она открыто стала спать с Димой.

Это время совпало с поездкой в Москву. Я

встретился с Василием. Зачем? Будто не знал, что он только посмеётся над моими семейными историями. Так и вышло. Я, наивный лопушок, был для него развлечением.

Но случилось то, чего я не мог ожидать: поездкой в Москву спровоцировал Ваську вернуться домой и даже жениться на местной красавице. Он будто хотел показать: «Учись, как я буду это делать». Разумеется, не так всё просто, видимо, у него были проблемы с бизнесом, но он скрытный. Деньги, как интим, не любят открытости.

Зато считалось, что ему повезло с женой. Он был уверен, что сумеет избежать моих ошибок, что из любой случайной женщины сделает жену, такую, какую ему надо. Главное для него: быть в браке и оставаться свободным. Главное условие невесты: здоровье, чтобы она родила здорового ребёнка.

С целью зачать наследника он стал спать с Надеждой, тогда я не знал об этом, — а женился на Наталье.

Василий воспринимал женщин как неодушевлённые предметы. Он выступал в роли кукловода. Но неодушевлённый предмет не мог выстрелить.

Я многое пропустил из брачного периода Василия, о кратком романе с Надеждой даже не догадывался. Может, Ирина знала? Она тогда часто

приезжала ко мне на работу, но долго не задерживалась, заглядывала в мой кабинет и шла в мастерскую к Диме.

Это было второе, известное мне, серьёзное увлечение художником. От первого остался её портрет. Она голенькая, сидит, ножки вместе, коленки круглые, одну грудь закрыла ладошкой. Тонкая талия, чуть выпуклый животик: девочка — подросток. Скука на лице. Равнодушная обнажённость. Стесняться нечего, все покровы сняты. Нет, человек в таком состоянии, скуки ради, не убивает. Скорее я бы убил каждого, кто спал с Ириной.

Когда она впервые переспала с художником? Для меня важно было знать: если художник нарисовал портрет, потому что влюблён в неё, это одно. А если она переспала с ним, чтобы таким образом заплатить за портрет? Эти вопросы почему-то меня сильно мучили, так сильно, можно сказать, я заиклился. И когда она познакомилась с Димой на очередной выставке, я согласился взять его на работу. И не жалею об этом. Дима оказался не таким талантливый, как предыдущий художник, но дисциплинированный, — для нашей работы это важно.

Я был доволен: всё под контролем, и вдруг они вдвоём исчезли на неделю. Сначала Ирина поехала в Сочи продлить лето. Дима взял неделю

отпуска, сказал, что едет в деревню, к больной бабушке. В наличие бабушки я поверил, пока не подслушал разговор. Дима звонил из Сочи Надежде на работу, жаловался на стервозную бабу, сказал, что разорвал с ней отношения и добавил: «Захара жалко».

Нетрудно догадаться, что стервозная баба — это Ирина, а звонил он, чтобы сообщить Надежде, что она может надеяться на взаимность с его стороны.

Когда он вернулся из Сочи, я вызвал его к себе в кабинет, назвал подонком, попытался ударить, но он оказался сильнее и опытнее. Мне пришлось вставлять передний зуб. Остался шрам на губе.

Ирине понравилось, что я дрался. Увольнять ценного работника не хотелось, фирма могла понести большие убытки. Но всё же ситуация была ненормальной, потом я успокоился, когда Ирина сообщила равнодушно: «Он теперь спит с Надеждой». Зачем ему Надежда, я так и не понял.

На фоне этих страстей я плохо воспринимал поступки Василия. Он меня раздражал, потому что делал всё неправильно: так несерьёзно не относиться к выбору жены. Но разве я мог отказать ему в крыше над головой при нашем гостиничном сервисе? Он куда-то уходил, не ночевал дома, говорил намёками, наконец, сообщил, что женится.

Женится на Наталье, а Надежда, беременная от него, осталась ни с чем.

Случайно Василий встретился с Надеждой, или Ирина помогла? Говорила, что не причём, сама удивилась, узнав, что Василий встретил Надежду на улице, подошёл и назначил свидание. Та ему не отказала. Ещё бы!

Что потом? Беременная Надежда влюбилась в Диму? Поэтому сделала аборт и стала с ним жить? Василий вынужден был жениться на Диминой сестре Наталье? Кого угодно, но его заставить делать то, чего не хочет, невозможно. Или возможно?

Жестокая Надежда легко избавилась от ребёнка, чтобы броситься в объятия любовника моей жены? Бросилась, чтобы сотворить пакость Ирине? Раз за разом внешне нормальная, умело скрывающая садистские наклонности, Надежда пакостила моей жене.

Поверить в то, что всё произошло без вмешательства чьей-то воли, трудно. Хотя приходится считаться с тем, что нашими судьбами правит случай. Но теорию вероятности ещё не отменяли. Длинная цепь из звеньев — случайностей при трагическом финале, — и всё это без вмешательства чужой воли?

От мыслей распухла голова до опасности кровоизлияния. И, действительно, носом пошла

кровь. Я остановился уже на въезде в город, ни одна машина не проехала мимо.

План сложился сам собой. Кровь уже не текла, но продолжала пульсировать в висках — я ненавидел Надежду. Я хотел ненавидеть её, иначе невозможно.

Как я ждал этого последнего рабочего дня перед отпуском, а вместо радости приходилось следить за ней и распалять свою ненависть.

Хотелось бы, чтобы Надежда вызывала во мне только ненависть. Ничего, кроме ненависти. Иначе невозможно...

Смог бы я убить её ради семейного благополучия? Ради сына? Не знаю. Когда ночью подошёл к ней, спящей на кровати в комнате для гостей, свет луны слабо освещал её лицо, показавшееся мне таким беззащитным, как у ребёнка, она улыбалась во сне, — мелькнула мысль, это хорошо, что уйдёт из жизни в счастливый момент. Но когда потянулся за подушкой, рука перестала меня слушать. Не смог.

А ведь я стал ненавидеть Надежду с тех пор, когда Ирина рассказала жуткую историю, из-за которой Лёшка родился слепым.

Я готов был убить Надежду, если бы не сработал план. И пчеловода убить. Всех убить, остаться с Ириной и сыном и быть счастливым. Назло всем — счастливым.

Надежда

Луна спряталась за тучу, но светло, может, светлячки, или ночная роса переливается, отражая звёзды.

Впереди чёткие силуэты маленьких домиков. Что это? Дома в низине? Я на краю глубокого оврага? Нет, какая глупость. Это же пчелиные ульи. Ну, конечно, они здесь, где им ещё быть, тут, на краю поля, чтобы пчёлы могли с утра пораньше собирать нектар с цветов. Думай, иначе сойдёшь с ума.

Залаяла собака.

— Кто идёт? Ты, Серёга? — весёлый, знакомый голос.

— Нет, не Серёга, — проговорила я хрипло.

— Так идите же смелей. Полкан вас не тронет.

Но я боялась. Кто-то, тёмный, надвигался на меня. Я его узнала: при свете дня он был тёмноволосый с рыжеватым отливом и голубоглазый, с немного хищной улыбкой. Но сейчас не видно ни цвета волос, ни цвета глаз, только улыбка и крупные зубы. Он мне не только снился, он существует, если только я не продолжаю спать. Не похоже, во сне я бы так не мёрзла.

Его зовут Кирилл, с ним я уже встречалась. Захар почему-то дёргался, был недоволен, встреча

ему не понравилась. Тот самый пчеловод, у которого Ирина покупает замечательный мёд. Та самая пасека, о которой она рассказывала, ах и ох, в самом экологически чистом месте.

— Я вас знаю, красавица. Где Захар? Куда вы его дели? Поджарили и съели? Как, вкусно было? Признавайтесь, — он улыбался, — молчите? Значит, поссорились. Ладно, не допрашиваю. Я вас мёдом угощу. Серёга принесёт портвейн, будете греться.

Не молчи, ну, что же ты? Улыбайся, иначе любой поверит, что эта угрюмая мымра способна убить.

— Нет, Нет. Угощаться мёдом потом когда-нибудь. Я бы хотела узнать, в какой стороне озеро. Я заблудилась.

— Идёте туда пешком? — удивился он. — Нет, милая девушка, пешком вам не дойти. Далеко.

— К утру приду, — бодро сказала я, — вы только покажите. Я спортсменка. Обожаю ходьбу на дальние расстояния.

— Увлекаетесь ориентированием на местности? Прыгнули с парашютом, но не туда? На военную вы не похожи.

Он смотрел на меня, улыбался и всё больше нравился. Нормальный мужчина, с открытым взглядом, смотрит и улыбается. Мне с ним легко. Какой контраст с Захаром! Неприветливым, и, как

оказалось, опасным.

Захара нельзя назвать сумасшедшим в клиническом смысле, но он довёл меня почти до безумия. А, может, он всё же сумасшедший? И убил человека в состоянии невменяемости? Тогда его не посадят, а будут лечить, может, всю оставшуюся жизнь.

Не знаю, что пчеловод увидел на моём лице, осторожно взял за руку и сказал:

— Я вас отвезу. Поплавать хочется. Вы никогда не плавали под луной?

Он сказал, и полная луна засияла над нами. Неужели так просто? Стоит только захотеть, и желание исполнится. Я почувствовала, как слеза потекла по моей щеке.

— Не надо плакать. Вы только ни с кем больше не ссорьтесь.

Я пошла за ним и смотрела, как он ловко вытаскивал бидоны с медом из машины. Сильный, надёжный, его, конечно, любят. Романтическая дура! Больше нечем заниматься, как на чужих мужчин засматриваться!

— Завтра в город не поеду. Вы приходите на рынок в среду, мёд дешевле.

Он накинул на мои плечи спортивную куртку и широким жестом пригласил на место рядом с шофёром. Но, нет мне лучше на заднее сиденье: страх не отпускал меня, — в таком состоянии я не

способна быть адекватной. Осторожность не повредит. К тому же я слишком устала, и боялась, что разговорюсь и всё ему выложу. Язык мой враг. Хотя Дима и называет меня молчуньей. Но я всё ему рассказываю. Всё, что происходит со мной. Но пока мы с ним вместе, ничего не происходило.

Будет теперь Дима упрекать меня в том, что я безрадостная, что похожа на царевну Несмеяну? Он жаловался Захару, я слышала, что меня трудно развеселить, как он ни старался. Вот только его стараний я не заметила.

Ирина удивлялась.

— Ты из благополучной семьи. Твои родители — идеальная пара, до старости любят друг друга. К тебе не пристают, истерик не закатывают. Но ты же никаких трудностей не переносишь. Может, потому что из счастливого детства?

Я не согласна. Те, кто из счастливого детства, имеют большой запас прочности. Мои родители, действительно, любят друг друга, впав в маразм, ещё крепче, чем раньше. Может, они идеальная пара. Но никто не знает, даже Ирина, что мой отец, сколько я его помнила, всегда пил. Пил дома и никогда не показывался даже соседям, в таком виде. Мать никого к нам не пускала. Бывало, он прогуливал работу, но мать ходила к начальнику и всё улаживала. Я боюсь, что мне достанется пьющий муж. Психологи уверяют, что девочки,

став взрослыми, строят свою семейную жизнь по образу семейной жизни родителей.

Пчеловоды, наверное, не пьют. Зачем им? Ведь у них сладкая жизнь.

Кирилл будто почувствовал, что я подумала о нём, резко затормозил.

— Нельзя ли быстрее? — невольно вырвалось у меня.

— Вот как? Мы опаздываем? — он повернулся ко мне. — Раз так, держись крепче.

Надо было сесть с ним рядом. Отвлеклась бы от привычно печальных мыслей. Зачем изматывать себя страхами? Ирина упрекала, что я эгоистка, потому что думаю только о себе. Кто из нас двоих эгоистка, — обсудим обязательно, но тогда, когда появится свет в конце тоннеля, а пока полезно оставаться эгоисткой. «Думай о себе», — приказала я. — Ты больше никому не нужна. И ты об этом знала всегда. Как таблицу умножения».

Правда, математика забывается в момент встречи с наглой продавщицей, которая пытается обмануть в свою пользу. Со мной это обычно так и происходит: вижу, что обсчитывает, но молчу, да ещё радуюсь, — легко отделалась. Хуже, когда крики, ругань сексуально неудовлетворённой женщины.

Неизвестно, чего захочет пчеловод. Если он живёт в лесу, не думаю, что у него избыток

женщин. Надеюсь, что у мужчины с такой внешностью нет потребности в самоутверждении любыми средствами.

Кирилл снова повернулся ко мне.

— Милая девушка, учтите, вы мне ничего не должны. Я с радостью подхватил вашу идею искупаться в озере.

Он что, читает мысли? Кажется, сегодня этим успешно занимался мой начальник, Захар Головкин. В отличие от пчеловода он не умеет так изящно изъясняться: университетское образование и кандидатская степень сделали его простым и доступным народу. Немного словен.

Могла ли я раньше предполагать, что положительный во всех отношениях начальник, такой добрый и заботливый, любящий отец — убийца? Неужели деньги портят всех?

«Цепь случайных событий приводит к закономерному результату» — любимое высказывание моего шефа. Меня он одарил этой фразой только раз: перепутала папки с документами. И, «закономерный результат»: срыв сроков заказа. Меня лишили месячной зарплаты.

Когда-то я думала, что это самое большое несчастье в моей жизни. Счастливые были времена.

Наверное, от расстройств снова связалась с Ириной. Как же, моя подружка и жена шефа.

— Хочешь, познакомлю тебя с